

ТЕОРІЯ ЛІТЕРАТУРИ, ПОРІВНЯЛЬНЕ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

Васенина А.С.

студент,

Київський національний університет

імені Тараса Шевченка

ПОТОК ПАМ'ЯТИ КАК СПОСОБ ОТОБРАЖЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ У М. ПРУСТА И В. ХОДАСЕВИЧА

Передо мной стояла задача проанализировать перекликающиеся закономерности в произведениях М. Пруста «По направлению к Свану» и В. Ходасевича «Некрополь» и «Белый коридор». Оба писателя жили в одно время и застали распад привычного мира, вскоре обернувшийся мировой катастрофой. В их произведениях есть некоторые черты декаданса, пусть у Ходасевича они и не столь явные, как в «Петербургских зимах» Г. Иванова. Зрелое творчество обоих писателей в целом не расценивается как чисто декадентское; черты эпохи прочитываются между строк. В данном случае декаданс сводится к поиску новых форм самовыражения, раскрытию внутреннего мира писателя-личности, чье сознание меняется вместе с эпохой. Обоим произведениям присущи эстетизм и индивидуализм. При том ни в одном из них нет имморальных (по крайней мере, для современного человека) черт. Лейтмотив «заката эпохи» выражен в первой части семитомного романа Пруста не столь явно, как в последующих произведениях. Описания Ходасевича же проникнуты духом упадка, и этот упадок вполне исторически объективен.

Традиционно считается, что Марсель Пруст использовал прием «потока сознания», который служит для привлечения внимания к субъективному, глубоко личному. Однако, есть основания разграничивать «поток сознания» (Д. Джойс, В. Вулф) и «поток памяти» – нелинейно воспроизведенные события, интерпретированные личностью персонажа/лирического «Я» автора тем или иным образом. Локус внимания автора смещен на трактовку некогда произошедших

событий, которые ясно прочитываются в самом нарративе. В то время, как центральное произведение именно «потока сознания» – «Улисс» Д. Джойса – преследует несколько иную цель. Монолог Молли Блум в последней главе создает ощущение интимного проникновения в сознание героини; все упоминания реальных событий не являются самоцелью, а только лишь указывают на то, что непосредственно влияет на ее состояние сознания [3, с. 728].

Расстановка акцентов может говорить об особенностях восприятия автора текста. В случае Пруста, персонажа, от имени которого ведется повествование, можно отнести к лирическому герою в определении Л. Гинзбург: «Единство личности, не только стоящей за текстом, но и наделенной сюжетной характеристикой, которую все же не следует отождествлять с характером», это «не только субъект, но и объект произведения» [1]. В случае Ходасевича вопросов не возникает – все воспоминания «подлинны» и принадлежат именно ему.

Оба произведения так или иначе показывают читателю становление двух личностей через поток непрерывных воспоминаний, которые часто глубоко субъективны. Повествования запутаны хронологически и не являются линейными. «По направлению к Свану» было задумано как способ познать себя, глубже осознать процессы собственной психической жизни. Аналогичное наблюдаем у Ходасевича. Так, от ностальгии по Санкт-Петербургу в эмиграции он переходит к подробному описанию своих младенческих лет. Составитель «Белого коридора» отмечает, что сложностью для него была неоднородность текста: статьи содержат элементы воспоминаний, а мемуарные тексты дополнены литературоведческими вставками [2].

Текст насыщен синестетическими картинками и метафорами, что однозначно закрепляет его в категории художественной прозы. В описаниях детства Ходасевич обращается к всем возможным видам восприятия, соединяя их в целостном описании. Синестезия также характерна для произведений Пруста, в «По направлению к Свану»: вкус липового чая возвращает лирического героя к детским воспоминаниям; Комбре буквально выныривает со дна чашки, поднимая за собой многочисленные образы.

Интересна также и позиция рассказчиков в эпизодах, связанных с детством: ее неоднозначность у обоих авторов объясняется периодическим переходом от взгляда *рассказчика-взрослого* к восприятию *рассказчика-ребенка* и наоборот. Складывается впечатление,

что оба писателя в детстве наделены чрезвычайно развитой рефлексией. Впрочем, при более детальном прочтении можно прийти к выводу, что это – своего рода соединительная ткань текста: заключения автора ведут нас к следующему отрезку памяти.

Примечательным для нас является сакрализация женского начала в восприятии обоих писателей. Но если у Пруста архетип женщины-матери сконцентрирован в матери физической, то у Ходасевича он распространяется на женщин в семье в целом. Все вместе они формируют архетипическую, абстрактную женщину, собирающую вокруг себя очередные воспоминания. Здесь нельзя не вспомнить юнгианскую Аниму, что также соответствует устремлениям обоих авторов: не вовне, а внутрь, прочь от распадающейся действительности.

Список использованных источников:

1. Лирический герой // Лингвокультурологический тезаурус «Гуманитарная Россия» URL: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=d&course=3&raz=2&pod=3&par=1> (дата обращения: 07.09.2017).
2. Владислав Ходасевич. "Белый коридор. Воспоминания" // RuLit URL: <http://www.rulit.me/books/belyj-koridor-vospominaniya-read-185096-1.html> (дата обращения: 07.09.2017).
3. Джеймс Джойс Улисс. – СПб.: «Азбука-Классика», 2006. – 983 с.